

A dark, atmospheric forest scene. In the foreground, a large brown bear stands in a shallow stream, looking towards the left. The water is dark and reflects the overcast sky. In the middle ground, a dilapidated wooden cabin with a rusted metal roof sits on a grassy clearing. The cabin appears abandoned, with some debris scattered around. The background is filled with tall, thin evergreen trees under a heavy, grey sky. A single bird is seen flying in the upper right portion of the sky. The overall mood is somber and mysterious.

Болота смерти

Алексей Магялс

Алексей Магляс

Болота смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72070792

SelfPub; 2025

Аннотация

История происходит в одной из уральских деревень в начале 50-х годов XX века. Однообразная и спокойная жизнь селян в забытой глуши сменяется горем и бедами. Какими – можно узнать при прочтении сего рассказа. Оказывается, болота таят много секретов.

Алексей Магляс

Болота смерти

Глава 1

Сентябрь на редкость выдался холодным и дождливым. Вот уже как неделю крестьянам мозолило глаза до невозможности чёрное небо, промозглые, холодящие, казалось, душу ветра и ежедневные дожди, даже ливни, без намёка на прекращение. Эта осень пройдёт для селян, похоже, труднее всех, если судить по тому, что уже в середине сентября установилась полноценная ноябрьская холодрыга. А ведь ещё две недели назад все жители деревни – и взрослые, и дети – прямо подышали на тридцатиградусной жаре, молясь о хоть какой-то прохладе. И вот сентябрь-хмурень вроде бы и выполнил желания молящихся, но не так, как хотелось им. Такой низкой для осенней поры температуры не видали на своём веку даже старожилы деревни, не говоря уже о людях более позднего поколения, а тем более – о детях. Все, уже изнурённые этими недолгими заморозками, деревенские наделись на спасительный приход бабьего лета в ближайшее время, но, надо полагать, какого-нибудь потепления они так и не дождутся. Ну ничего, проживут как-нибудь. Всё равно такой холод несколько не пугал ни заядлых грибников, собирающих в чащах полные корзины разномастных даров, ни опытных охотников, которые, считай, проводили сутки или вовсе

дни в лесу, ни даже деревенскую ребятню, которая небольшими группами резвилась и гуляла по всей деревне, не пугаясь погодных условий. Поэтому жизнь в Осиповке, деревне, которая была со всех сторон зажата непроходимыми и насколько возможно густыми пущами, текла своим чередом, в этой захолустной, отрезанной от всего мира деревушке не было ни телефона, ни проведённого электричества, ни магазина, отчего людям приходилось держать солидное количество скотины, охотиться в густонаселённых дичью близлежащих борах, заниматься рыболовством на лесных, заросших камышами и ряской озёрах. Приходилось также выращивать прямо плантации овощей или злаков. Хлеб в магазинах райцентра стоил два с половиной рубля, и такие цены для людей, которые в колхозе работали за трудодни, казались космическими. Поэтому в этих краях, оставшихся голодными после войны, хлеб и другие продукты были на вес золота. Из-за таких особо неблагоприятных условий для жизни охотником был почти что каждый мужик или старик в деревне; ружьём владели даже некоторые женщины, обычно вдовы с детьми, пытающиеся хоть как-то прокормить семью, на которую обрушилась столь огромная беда. Много мужчин из деревни пропали во время войны – кто-то погиб при разминировании территории, кого-то застрелили на вражеской земле, кто-то сгинул в разбросанных по площади западной части союза концлагерях. Охотились они, бывало, по трое, по двое, а, бывало, по одному. Добычу можно было пристрелить даже не

выходя из деревни – осмелевшие зайцы или кабаны прохаживались по сжатым в августе месяце полям не то что ночью, а прямо днём, привлекая на себя внимание всех селян, и поэтому нередко оказывались застреленными ловкими добытчиками или добытчицами. Ну, если уже дичь среди бела дня около людей ходит, то страшно представить что в лесу, а особенно в чащобах, творится. Таким нескончаемым обилием животных и славилась то Осиповка – тьма охотников и егерей, даже из деревень за полсотни вёрст, приезжали в эти пуши как следует поохотиться, попутно поглядеть на чарующие глаз вековые рощи, попить из кристально чистых лесных ручьёв да вдоволь насладится красотой этих мест. Местные жители не глядели волком на приезжих собратьев по делу – дичи хватит на всех, так ещё и останется, да и прогнать их из своих родных боров они такового права не имеют. Но вот этой осенью, скорей всего, из-за ненастья и холодины охотники перестали приезжать, отчего леса – в плане людей – стали какими-то опустошёнными, но оно и к лучшему.

Накануне дед Архип договаривался пойти с таким же заядлым выгонщиком, со стариной Никифором, в леса близ урочища Ельное, где водилось много глухарей, лис, косулей, кабанов и лосей. Потому это место было любимым для двух старых звероловов, да и само урочище, где под стать названию росли огромные сосны, кедры и ели, лапы которых в ясный солнечный день делали места в расположенных тут и там низинах тёмными и прохладными; где обитало такое

же количество живности, им нравилось не меньше. Архип уже было подготовился – собрал в мешок немного припасов, проверил своё старое, уже ставшее родным, ружьё, поглядывая в окно, за которым по-прежнему бушевал ветер, наделся как можно теплее – и стал дожидаться прихода Никифора, с которым он и отправится властвовать над дичью. Условился содруженник, что будет в сенях или на крайняк возле Архиповой калитки ближе к девяти часам утра, но усидчивый дед так и сидел, дожидаясь старину, который не явился ни к девяти, ни к десяти. В конце концов, ожидающему это изрядно надоело, и он решил сам заглянуть на огонёк к беспунктуальному охотнику. Может быть, тот и вовсе забыл про договорённость и сам, в одиночку, пошёл охотиться? – в скором времени старик это узнает. Дедок с кряхтением натянул на ноги меховые сапоги, сшитые из добытого им же оленя, укутался в свой поношенный армяк, натянул на седую голову шапка-ушанку и выдвинулся к другу-трухалю на другой конец их небольшой деревеньки. Архип шёл по безлюдной улице, переминаясь с ноги на ногу от залегающего под одежду ветра, поглядывал на соседние хатёнки, из печных труб который в воздух неспешно поднимался дым, подтирал задубевшей рукой седые усы и желал побыстрее очутится у приятеля в доме.

Наконец то впереди замаячила изба Никифора. На его дворе бегали куры, резвились поросята, работала жена, а самого хозяина видно не было.

– Здравов, хозяйка!, – крикнул, улыбнувшись, старик во- зившейся с сеном Марии Афанасьевне, супруге приятеля, – Как поживаешь? Жива ль, здорова?

Интересно, конечно: как это ей не холодно? Дед почти с головой запеленался в кафтан, но он всё равно гусиной кожей покрылся, а вот она... Работает в лёгкой куртке, без ва- ленок, в резиновых сапогах, так ещё и с заказанными по са- мые локти рукавами.

– Да креплюсь помаленьку, – разогнувшись, устало про- бормотала женщина, – Ты сам то как? По какому такому слу- чаю к нам заглянул?

– Слушай, Маша, а не холодно ли ты в такую стынь наде- лась? Заболеешь ненароком, – стал волноваться старик.

– Ой, дед Архип, это ж вам, старым, холодно, а я ещё до- вольно молодая – мне и не холодно, – отмахнулась та.

– Ну гляди у меня

– Так по какому поводу нас наведали?, – переспросила женщина, – Али случилось что?

– Да нет, вот к суженому твоему приковылял. Договари- вался ж на охоту с ним пойти, так этот хрыч всё не является. Думаю к вам заглянуть да поглядеть где это он, окаянный.

– Так поглядите, – указала рукой на избу Мария, – С са- мого утра сегодня в хате сидит, я вот одна в огороде и маюсь.

Старик зашагал в сторону покосившейся входной двери, потоптался, вытерев об грязную тряпку ноги, и вошёл в се- ни, которые были заставлены разными по длине резиновыми

сапогами, туфлями, не дающими спокойно пройти к двери в комнату. Архип почесал затылок и, кое-как пробравшись через этот хлам, ввалился в просторную комнату, где стоял стол, лавки, кровать и печь, на которой бездвижным мешком валялся Никифор. Старик его поначалу принял за спящего, отчего разозлился: как это, клятвенно обещал, что аккуратно в девять придёт, а сам в пол одиннадцатого на печи дрыхнет?! Рассвирипевший дед со злости взял из кучи один резиновый сапог и швырнул им в сторону дружка. Сапог угодил ему по голени, громко упав на деревянный пол. Оказалось, что приятель не спал – он лишь лежал неподвижно, закрыв глаза. От удара сапогом он застонал, зашевелился и взглянул в сторону, откуда прилетел этакий подарок. Увидев Архипа, он недоумённо спросил:

– Ты чего тут ботинками разбрасываешься? Да тем более чужими.

– А ты за каким чёртом спишь?!, – зло шикнул на него дед, – Я тебя уже как полтора часа жду, а ты тут валяешься! Чего сразу не сказал, что не пойдёшь?!

– Плохо мне сегодня, Архип – голова кружит с самого утра, кости ломит, слабость какая-то. Знаешь, не пойду в таком состоянии я с тобой. Ступай без меня.

– Вот торчок старый!, – стукнул старик кулаком по бревенчатой стене, – Ну, коли плохо тебе, то лежи.

– Всё, давай ступай, – вновь застонал Никифор, – Снова началось.

– Ну, пойду я. Ты только гляди, копыта не откинь, а то для меня на одного старого дурня меньше станет, ха-ха-ха, – разгоготался товарищ, выходя из комнаты.

Уставшая баба Аня вернулась из хлева, вошла в главную комнату, тяжело вздыхая. Не заметив своего мужа на широкой лавке, его любимом месте, она всплеснула руками:

– Ну вот! Опять куда-то усвистал! Сейчас поди на охоте с дружкой то своим – поохотятся да напьются вдрызг, а потом приползёт домой посередине ночи. Ой горе-горе!

Дед Архип действительно любил выпить – пил он в основном самогон, приготовленный Никифором, но редко себе всё же позволял хлебнуть водки. Баба Аня, его жена, не пила абсолютно никакого алкоголя – не шло ей. Поэтому она скверно относилась к каким-либо спиртным напиткам, а также презирала тех, кто их употребляет. Под эти презрения попадал и сам дед Архип, и его частый собутыльник Никифор. Так что двое, по мнению бабки, алкашей, не желая слушать причитания и надоедливую старушачью бормотню, предпочитали выпивать где-то вне дома – на пеньках возле околицы, например, где они не так давно смастерили на высоком пне дощатый стол для более удобного застолья, или, чаще всего, во время охоты. И выпьют, и дичи добудут заодно. И потому баба Аня при каждом походе деда Архипа в лес сама себе жаловалась, ругая мужа и его дружка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.